

При всем том Елена сама признается: «Если хотите, финал „Евразии“ — это моя личная „Ода к Радости“».

И последнее, подзаголовок окончательной главы — Allegretto beffardo. «Умеренно насмешливо».

Читайте, друзья. Дельно... — не проведете, нет (в смысле обмануть) — используете время.

Виктор БРУСНИЦИН

«ТЫ ГЕРОЙ ЗЕМНОГО ШАРА...»

Евгений Степанов. Империя. М.: Издательство Евгения Степанова, 2017.

Где как ни в России, обреченной на вечное восстание из пепла после то и дело накатывающих волн мировых пожаров, должен быть сохранен имперский тип мышления? Готовый предстать в каком угодно свете, он, ведомый одним только сбережением генетической памяти, способен примерять маски идеологий и героев, но сам себя вряд ли обмануть горазд: кровь не вода. Самосознание «имперца», приспособившегося идти в толпе, ценно наличием «Я», непроданного, не отнятого власть имущими. В таком понимании название книги известного московского поэта Евгения Степанова предвещает под обложкой стяжение смыслов, не исключая борьбу их. Разве не империя — сам человек с его истиной, отличной от другого? Страна вчера и страна сегодня — не две ли разных империи? Полисемию можно продолжить, но есть риск как приписки несуществующего, так и необнаружения главного.

Еще Татьяна Бек говорила о гармоничном сосуществовании в лирике Степанова многих влияний и течений: «У него в одном стихотворении могут естественно соседствовать реминисценции из Блока и Сосноры или из Венички и Солженицына, а также „славянская душа“ и „прищур азиатский“, ирония и пафос, жаргон и архаика, стеб и пафос...» Это поэт искушенный, успевший прожить несколько жизней вместе с исторической родиной и отдельно от нее, за границей. Много видевший и переживший.

а что на кону? постгулаговский харч
надежды смешные демарши
играет играет фальшивый трубоч
в эпоху раскрученной фальши

Потому лирический герой его требует отдельного разбора. Обладание голосом, отличным от других, делает поэта поэтом — данный тезис неоспорим. Этот *голос*, нечто наделяющее говорящего зримыми чертами и характером, неповторимым тембром, будет угадан в любом подражании, в обилии чужих интонаций, если только он есть. Говоря о Евгении Степанове, хочется вспомнить раннего Н. С. Гумилева: примеряя личину то элиина, то конквистадора, то проповедника Заратустры, то пилигрима лирический герой, дробясь во множестве зеркальных осколков, оставался целен и являл природную мечтательность, непостоянство, желание высокого подвига и драмы как определяющие черты самого автора. Нечто подобное угадывается и в лирике Степанова, человека, сформировавшего своего героя уже на советской почве. Поколению родившихся в 60-е годы XX века было суждено впитать новые информационные потоки: гласность после стольких лет загнанного молчания практически атрофи-

рвала веру в возможность открытого высказывания. Это ожидание новой несвобо-
ды дало определенный психотип, если угодно.

Это явь. Это город-убийца
И квартира-убийца, и взгляд
Людоеда. И некуда скрыться.
И поест людоеды хотят.

Широко культурное поле, жирен чернозем, питающий поэтику внявших универ-
ситетскому курсу филфака, тех, у кого была возможность спокойно впитывать знания.
Прикладное, по учебнику, постижение жизни всегда ждет «практики», ждет реаль-
ной трагедии. Но если образованных мальчиков Гумилева и Мандельштама настиг-
ла трагедия передела мира, то сейчас мы сталкиваемся с бедой иного толка: исто-
рия не состоит из высших точек напряжения. Пробуксовка, жизнь бытовая, копоше-
ние в казенных бумагах — едва ли не большая трагедия для тех, кто желал подвига.

то болезнь то в доме свара
то налоги то грабеж
ты герой земного шара
потому что ты живешь

Обилие посвящений О. Э. видится неслучайным еще и потому, что Мандельшта-
му сегодняшняя критика приписывает создание поэтического метода, основанного
на заполнении тела стиха не просто смыслами, но смысловыми пучками, выстраи-
вающими семантически сложную мозаику. Речь о суггестивной лирике, к области кото-
рой отчасти можно отнести поэзию Степанова. Ошибкой видится мне авторство ме-
тода вообще: метод, пока он не объяснен, разжижен в культурном бессознательном.
И обилие перифразов у Степанова не что иное, как составление суммы влияний.

В Петербурге жить — словно спать в гробу.
А в Москве — кутить и пытаться судьбу.
А в Москве — бежать — от себя — стремглав...

«На лунном пыльном чердаке» отыскиваются и Мандельштамово руно, и «горбо-
носый лепет» Цветаевой, и «велимировское слово». Только есть риск заглушения
голоса: переигрывание с формой слова, во-первых, обесценивает слово как самоцен-
ную единицу, во-вторых, сводит сам процесс стихосложения к игре, приятному на
слух словоблудию, похожему на ужимки паяца. Тонка грань, и автор «империй» это
понимает.

потому что не волк работенка а бог из-под палки
потому что на печке доедет до счастья иван
потому что судьба
в окровавленных пальцах гадалки
потому что стакан

«Огненными чертами» хочется писать тогда, когда стираются огненные черты
и жернова пустоватой обыденности бюрократизма перемалывают человеческую ду-
шу. Но одни огненные черты рискуют стать штампами, если не разбавлены деталью,
способностью вычленив ее из повседневности. Тем и опасна суггестия, что она —

соль поэзии: нашпиговать стихотворную строку опоэтизированными «тюрьмой и сумой», кровавыми рубахами и шумными балаганами — мало. Иначе автор действительно рискует выглядеть, как минимум, шутом и, как максимум, Дон Кихотом.

Выход один: не в природной ироничности автора, не в тяготении его к афористичности (хотя и это временами «спасает» не очень удачную конструкцию), но там, где из глубин подсознания, подобно шаманскому камланию, выходит на поверхность очищенный от чужеродного сора, «дионисийский» (не рассудочный, в отличие от аполлонического) стих:

это родина род и отродье
и родной до беспамятства сброд
черных речек разлив половодье
черных речек не пройденных вброд

Еще более смятен верлибр, сама интонация его не статична, как у большинства печатаемых сейчас верлибристов. Вряд ли кто-то из тех же нынешних способен явить тщательно скрываемый крик ужаса перед городом цепких и вертких приспособленцев:

бежать — отсюда — от войны
с собой — людьми — и государств-
венной машиной
от ненависти — выстрелов в упор
ударов — мастерских — поддых
стеклянных оловянных глаз
бежать

В безличных строках более всего сказывается авторское «я». Там же, где речь идет о себе, неминуема поэтизация и карнавал с переодеванием. Пронесется мимо чужие голоса, лезут в голову, точно неугомонное радио. Отсюда — желание уединения, побега от всех и вся, приводящее к любованию соснами, дачным пейзажем практически почвеннического толка:

если путь мне уготован
в космос будущих годин
в тихом домике из бревен
я хотел бы жить один

Соединение разнородных лексик и стилистик — будь то авангард и традиция, книжность и просторечие — прежде всего есть плод рефлексии, прохождение ступеней духа, своего рода «империй»:

нет, не кончается ночь покаянья
длинная точно река

И пока в пространстве и времени находятся предметы, вызывающие участие и духовную работу, будет и грех, и покаяние. Это и есть почва, сохраняющая в себе кости рухнувших империй и питающая ростки следующих. Хочется верить, что не заполнение пустоты эта вежа, но борьба за возможность продолжения самоценного человека.

Марина МАРЬЯШИНА